

А. П. ДУЛЬЗОН (Томск): ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕГО
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Территория Западной Сибири, особенно по берегам рек и озер, с давнего времени заселена человеком; об этом свидетельствуют археологические памятники¹. Однако, поскольку проживавшие здесь племена и народности не обладали письменностью, нам мало известно об их истории и этническом составе. Археологические данные могут иметь значение для решения вопроса об этнической принадлежности той или иной культуры только в случае, если она во времени непрерывно связана с известным живым населением. Попытка увязать таким образом живое население Западной Сибири с дорусским была предпринята автором в отношении тюрок Чулыма и селькупов Оби². Подобные же исследования должны быть произведены в отношении других известных народов Западной Сибири, при этом возможно дальше в глубь прошлого. Пока эти исследования не проведены, археологическое решение вопроса об этническом составе древнего населения Западной Сибири по необходимости должно оставаться предположительным.

Значительно более надежными для решения интересующего нас вопроса являются лингвистические данные, в первую очередь реликтовые слова из языка прежних жителей, сохранившиеся в виде географических названий. Топонимы Западной Сибири неоднократно привлекались для решения различных историко-этнографических вопросов, но в большинстве случаев неудачно, из-за неудовлетворительной разработки методики этимологического анализа терминов субстратного происхождения³.

Топонимия Западной Сибири — различного происхождения. Сравнительно легко лингвистически определяются термины, связанные с языками живого населения (русские, тюркские, хантыйские, мансийские, ненецкие, селькупские). Из старых топонимов, дошедших до нас через какой-нибудь другой язык, точно выявленными можно считать теперь кетские⁴, селькупские и южносамодийские; они распространены в средней и южной части Западной Сибири (см. карту). Указанные

топонимы занимают в одних случаях самостоятельные ареалы, в других же налагаются друг на друга, что позволяет ставить вопрос об относительной хронологии их возникновения.

Некоторые данные показывают, что в отдельных местах рассматриваемой территории кетский топонимический слой предшествовал самодийскому. Об этом свидетельствуют двухсложные слова, в которых определяющий компонент самодийского происхождения, а определяемый (общее название реки) — кетского, например, Ургадат (южносам. урга «большой», кет. дат «река»). В других же случаях самодийский язык налагался на кетский; ср., например, название речки Пачанга (кет. пача «большой», сельк. анга «курья»). В целом же вопрос о том, кто именно предшествовал на всей территории, кетские племена или самодийские, пока остается открытым.

Для установления относительной хронологии возникновения названий особый интерес представляют двухсложные топонимы, в частности, например, кетского происхождения. Если первые компоненты таких слов совпадают (второй компонент почти всегда представляет собой общее название реки), особенно в несоседних кетских языках, они (общие компоненты) выявляют пласт слов, восходящих к периоду совместного пребывания всех кетских племен на смежных территориях. При выделении таких общих компонентов следует остерегаться простого сопоставления и отождествления слов в случаях однозвучия, потому что оно нередко представляет собой суперстратное явление, ср., например, Чулдат — полностью происхождения кетского, Чулькыге — полностью селькупского.

Если первый компонент двухсложного топонима этимологически не связан с другими кетскими словами, то вполне вероятно, что он заимствован из другого неродственного языка, предшественника на данной территории или на прежнем месте жительства.

В некоторых случаях первые компоненты двухсложных кетских топонимов совпадают с первыми же элементами иноязычных двухсложных топонимов, например селькупских, южносамодийских, тюркских, хантайских. Такие совпадения могли возникнуть в результате процессов ассимиляции одного языка зругим, имевших место в прошлом. Если такого рода общие компоненты не разъясняются на базе одного из этих языков, у нас есть основание говорить о пласте слов, который старше всех этих языков на данной территории. Этот пласт слов, вскрываемый из разноязычных топонимов Западной Сибири, можно назвать палеосибирским.

Приведем теперь примеры совпадения первых компонентов: *Ай-*, ср. ен.-кет. Айсас, пумп. Айдат, чул.-турк. Ай-юл; *Ал-*, ср. ен.-кет. Алзас, ар. Алсет, пумп. Алтат; *Ам-*, ср. ен.-кет. Амзас, пумп. Амтат, асс. Амул, сельк. Амба; *Ар-*, ср. ен.-кет. Арзас, пумп. Ардат; *Ба-*, ср. ен.-кет. Базас, кот. (ар.?) Бачат; *Баг(к)-*, ср. ен.-кет. Бакзас, кот. Бакчет, кот. (ар.) Бакчат; *Бар-*, ср. ен.-кет. Барзас, пумп. Бартат, ашк. Барачат-(ское), ар. Парсат; асс. Барнаул; *Бог-*, ср. ен.-кет. Богзас, асс. (?) Богур, сельк. Покур; *И-*, ср. ен.-кет. Изес, пумп. Идет, асс. hu-ул, ар. Исеть; *Ир-*, ср. ен.-кет. Ирцис, пумп. Ирдет; *Ка-*, ср. ен.-кет. Казас, пумп. Кадат; *Кай-*, ср. ен.-кет. Кайзас, пумп. Кайдат; *Кан-*, ср. ен.-кет. Канзас, пумп. Кантат, *Кас-*, ср. Кас, пумп. Кастат, южносам. Касьма; *Ке-*, ср. ен.-кет. Кезес, асс. Кеуль, кот. Кешет; *Кеб(е)-*, ср. ен.-кет. Кебсес, кот. Кебеше; *Кел-*, ср. ен.-кет. Келзас, пумп. Келдат, сельк. Келват; *Ки-*, ср. ен.-кет. Кизес, кот. Кишет; *Ко-*, ср. ен.-кет. Коес, пумп. Кодат, пумп. Котат, Ко, Коя;

Кол-, ср. ен.-кет. Колзас, пумп. Колдат, южно-сам. Колба; *Колон-*, ср. ен.-кет. Колонзас, кот. Колончет; *Кон-*, ср. ен.-кет. Конзас, пумп. Кондатка, кот. Кончет; *Кос-*, ср. асс. Косуль, пумп. Коштат, ен.-кет. Куасис; *Кун-*, ср. ен.-кет. Кунзас, пумп. Куддат, кот. Кунчет; *Кы-*, ср. ен.-кет. Кызас, пумп. Кытат; *Май-*, ср. ен.-кет. Майзас, пумп. Майдат; *Мунг-*, ср. ен.-кег. Мунзес, южносам. Бунгур; *ОН-*, ср. ен.-кет. Онзас, хак. Онсуг; *Сал-*, ср. ен.-кет. Салцис, южносам. Салба; *Суль-*, ср. ен.-кет. Сульцыс, ар. Сульзат; *Та-*, ср. ен.-кет. Тазас, кот. Ташет; *Тай-*, ср. ен.-кет. Тайзас, кот. Тайшет, хак. Тайсуг, шор. Тайдон, ен.-кет. Тайтым, южносам. Тайба; *То-*, ср. ен.-кет. Тозас, пумп. Тодат; *Тон-*, ср. ен.-кет. тон;-нде?, пумп. Тондат; *Ту-*, ср. ен.-кет. Тузас, пумп. Тудат, южносам. Туба; *Туль-*, ср. ен.-кет. Тульзес, кот. Тульчет; *У-*, ср. ен.-кет. Узас, кот. Ушет, южносам. Уба; *Урга-*, ср. пумп. Ургадат, асс. Ургуль, *Чул-*, *Шул-* ср. пумп. Чулдат, Шулдат, сельк. Чулкыге, тюрк. Чулман; *Шын-*, ср. пумп. Шиндат, Чиндат, ен.-кет. Сынзас; *Ы-*, ср. ен.-кет. Ызас, пумп. Итат.

В целом ряде случаев первые компоненты двухсложных топонимов в ареале распространения кетских топонимов встречаются как простые топонимы; их появление может объясняться тем, что при смене одного языка другим эта часть названия стала собственным именем, вследствие чего добавление номенклатурного термина («река») оказалось излишним. В других же случаях рассмотренные нами слова встречаются в качестве второго компонента других сложных слов, например: Сым, Оксым, Альсым; Анга, Пача, Пачанга (ср. сельк. *ангги*. асс. кот. *пач* «большой»); Тым, Кайтым; Томь, Кондома; Тым, Тайтым; Таз(с), Тайтас; Уй, Тангуй; Ум, Кеум; Чага (Чая, Яя), Чульча (ср. камас. *чу*, мотор. *чага* «река»); Чая, Кортуюл-чу (ср. камас., тиб. *чу* «река»). При частом появлении таких параллелей в районах плотного залегания кетских топонимов мы имеем основание думать, что эти вторые компоненты топонимов являются кетскими, хотя бы только по употреблению.

Приведем пример. В ареале распространения енисейско-кетских топонимов мы находим: Артас (ар. самоназвание аринов), Бактас (ср. кот. *бак* «черная смородина»), Тайтас (имб. *тай* «холодный»), Калтас (ср. кур. *ка:л* «кривой»), Кильтас (имб. *ки:л'* «широкий»), Кутас (имб. *ку:г, ху:* «широкий»); Тартас (имб. *та:p* «выдра»), Пактас (ср. кот. *паге* «черемуха»). В экающем (имбатском) диалекте звук «а» в слове *-тас* является передним, т. е. близким к «æ» (ср. Кутас у К. Доннера); звукам «ä, e» этого диалекта в икающем (сымском) диалекте соответствует звук «и», и в енисейско-кетском языке имеются варианты *-tes* и *-tis*, например: Кутис, Кайтес, Кантес, Комдес, Тентис. Отсюда можно заключить, что варианты простых топонимов: Таз<^{*}*тас, Тесь, Тез<^{*}*тес, Тис<^{*}*тис, Теш<^{*}*тес, встречающиеся в том же ареале, являются кетскими, если и не по происхождению, то по своему употреблению.

Рассмотрим в этой связи термин *чул*, довольно часто встречающийся на нашей территории как в самостоятельном употреблении, так и в качестве компонента двухсложных слов, первого или второго, которые мы условно обозначим: *чул'* и *чул"*. В качестве самостоятельного слова в значении «река», «речка» или собственного имени отдельной реки слово *чул"* встречается только на тюркской территории, а именно: на территории чулымских тюрков, шорцев, хакасов и алтайцев в следующих вариантах: *юл* (нижнечулымский, древнетюркский), *тюл* (алтайский), *чул* (среднечулымский, шорский, хакасский), *шул* (кызыльский), т. е. «ч» здесь входит в ряд чередований: ѹ, т', ч', ш. В этом же ареале распространены двухсложные топонимы, имеющие в своем составе *чул"* в

качестве второго компонента с лексическим значением «река», например: Балыктыг-чул «рыбная река» (приток Чулыма); алт. Балыктуль⁵, хак. Анжууль⁶ (Анг чул «Звериная река»). Наибольшей насыщенностью этими топонимами обладает Хакассия и бассейн Чулыма. Примечательным является то, что ареал этого тюркского слова весь входит в ареал кетского слова *ул'*, *кул'* в значении «река»; это не случайно.

Чтобы понять происхождение рассматриваемого нами тюркского слова *юл*, следует вспомнить тип двухсложного кетского топонима, имеющего в качестве первого компонента слово *и*, а в качестве второго – общее название реки: Изес, Идет, Исеть и т. д. Аналогично построенный топоним в ассанском языке должен был бы звучать *И-ул'*. Такой топоним действительно засвидетельствован у ассанов, а именно: *hi-ул'* «Она». При адаптации такого слова тюрками должны были произойти следующие звуковые изменения: 1) ударение со звука «и» должно было перейти на «у»; 2) звук *h* в начале слова должен был отпасть; 3) после заднего гласного «у» вместо «л'» должен был появиться звук «л»; 4) безударное (консонантное) произношение звука «и» перед ударным «у» должно было вызвать появление спиранта *j*. В результате всех этих изменений из *hi-ул'* произошло тюрк. *юл*, и ассанское название некоторых конкретных рек стало общим названием реки в указанных выше тюркских языках. Ко времени появления древнетюркских письменных памятников, в которых мы встречаем слово *юл'* в значении «река», процесс ассимиляции был уже закончен.

В качестве первого компонента *чул'* в указанных уже раньше вариантах распространено на территории тюрков и селькупов. У последних мы встречаем вариант *чул'* — чисто селькупского происхождения, например, Чульга, из *Чул'ги=чу* «земля»+*л'* (суффикс для образования прилагательных)+*ки* «река». Другой же вариант с твердым «л» (*чул''*) по своему происхождению является кетским и восходит к слову со значением «нельма»; начальное «ч» в этом слове член другого ряда чередования в тюркских языках и диалектах, а именно: ц, ш, ч, с.

Кроме кетских топонимов, в Западной Сибири ясно выделяются селькупские, в особенности составные названия, оканчивающиеся в русской адаптации на -ка и -га. В местах исторического проживания селькупов эти топонимы составляют замкнутый ареал. Окончания -ка и -га мы возводим к селькупскому *ки* «река». Звонкий вариант только частично восходит к селькупскому языку, а именно к южным его говорам⁷. Как теперь выяснилось, звонкий вариант очень часто представляет собой русскую суперстратную форму. Это видно из того, что подобные названия первоначально, в XVII и XVIII вв., при введении их в русский язык встречаются только с окончанием -ки (из селькупского *ки*)⁸, например, Суй-ки, теперь: Суйга; Сай-ки, теперь: Сайга; Джегой-ки, теперь: Чугойга; Питан-ки, теперь: Пуданга; Кельчу-ки, теперь: Кельджуга. К востоку от указанного ареала гидронимы на -га встречаются спорадически. Эти названия могли быть перенесены русскими переселенцами или же возникли на основе местного материала из слов, оканчивающихся на *к*, *г*, *н*, или же на *к*, *г*, *н*+гласный, ср., например, название притока Байкала Селенга, монг. *Сэлэнгэ*⁹, древнетюрк. *сälänä*¹⁰. Каждый такой случай требует отдельного изучения. Довольно компактный ареал гидронимов на -га известен также к западу от Урала; он описан в работах А. И. Соболевского и Б. А. Серебрянникова. Так как эти слова показывают в своем звуковом составе чрезвычайно много общего с селькупскими названиями Западной Сибири и из местных финских и

тюркских языков не раскрываются, то можно думать, что они одинаково происхождения с западносибирскими, т. е. что они восходят к языку отдельных предков селькупов, проживавших когда-то к западу от Урала. То, что эти названия сохранились к западу от Урала, объясняется тем, что известная часть населения осталась на месте и ассимилировалась с другими позднее пришедшими народностями.

В южной и средней части Западной Сибири имеется замкнутый ареал топонимов, оканчивающихся на *-ба*, *-ва*, *-ма*: Аба, Амба, Бузима, Дёшима, Егирма, Игирма, Кангма, Караба, Касьма, Катарма, Кашима. Кельма, Бухтарма, Салба, Тараба, Тельма, Туба, Тулаба, Турама, Тушама, Уба, Ульба, Хидама, Хайлома, Хараба, Чеба, Шульба и др. В местах исторического проживания южных самодийцев, т. е. там, где топонимы местного населения вошли в русский язык непосредственно, встречаются почти только топонимы на *-ба*, например, Салба, Тараба. Это дает нам основание возводить данное окончание к южносамодийскому слову *бу, бы* «река», которое было в употреблении у моторов, койбалов и камасинцев¹¹; формы на *-ба* (Салба) представляют собой морфологическую адаптацию южносамодийских слов на *-бу* (Салбу). Полная лингвистическая интерпретация этих топонимов осложняется скучностью материалов по этим языкам. Варианты на *-ма* и *-ва* встречаются преимущественно там, где в исторические времена проживали тюрки, т. е. где южносамодийский слой топонимов является субстратом тюркского. В этих языках звук *б* довольно часто заменяется звуком *м* (чаще всего после переднеязычных или носовых) или звуком *в* (в других случаях). В этом же ареале мы встречаем гидронимы на *-чага* (например, Кемчага — Кемчик) и *-ча* (Чульча). Оба эти слова засвидетельствованы у южносамодийцев: *чага* «река» у моторов¹², *чу* «река» у камасинцев¹³. Многочисленные аналогичные названия к западу от Урала, показывающие те же исходы *-ба*, *-ма*, *-ва*, расположенные вперемежку или в соседстве с названиями на *-га*, частью, вероятно, тоже самодийского происхождения, частью же финского (ср. зыр. *ва* «река»).

Уточнение ареалов топонимов самодийского происхождения к западу от Урала позволит уточнить древние места расселения самодийцев до их ухода в Сибирь.

Неоднократно высказывался взгляд, что финно-угры первоначально жили на Алтай-Саянском нагорье, откуда они передвинулись на северо-запад. Недавно этот взгляд пытался обосновать на археологическом, этнографическом и лингвистическом материале Л. Р. Кызласов¹⁴. На основании того, что ханты называют Обь *ас* или *эс* (*äc*), а манси называют «речку, ручей» *сос*, он рассматривает все географические названия на *-ас*, *-эс*, *-сас*, *-сес*, *-сос*, встречающиеся в большом количестве в южной и средней части Западной Сибири, как слова угорского происхождения. Отсутствие в этих топонимах формы на *-сос* автор объясняет тем, что в тюркском оформлении угорские слова должны были принять форму *сес* и *сас*. Автор, однако, забывает, что и в местах, где эти термины вошли в русский язык не через тюрков, а через селькупов, хантов и кетов, форма на *-сос* нигде не встречается, а имеется только *сес* и *сас*; между тем здесь этих форм вовсе не должно было бы быть, поскольку языкам этих народов не свойствен сингармонизм. Гидронимы на *-ас*, *-эс* действительно частично могут быть угорскими (в местах их исторического проживания и дальше на запад), частично же они, как мы увидим ниже, кетского происхождения. Кроме того, следует добавить, что в ряде случаев морфологическое деление соответствующих

слов автором произведено неправильно. Так, например, в словах типа Артас, Бактас, Долоктис, Кайтес, Колтас, Кантес, Каттас, Кильтас, Комдес, Кутас; Кутис, Тайтас, Тартас, Тентас, Тинтис, Туртас следует отделять элемент *тас*, *тес*, *тис*, который встречается как самостоятельный топоним, являющийся кетским по крайней мере по употреблению. Вероятно, также надо отделять *бес*, *бас*, *вас*, которые известны как самостоятельные топонимы (Бадавас, Борбас, Кельбес, Напас, Тельбес). С. Патканов, который впервые признал топонимы на *-ас* угорскими¹⁵, из девяти приводимых им топонимов смог объяснить только два (Вандерас=выдра+река, Турт-ас=корень+река). Из остальных гидронимов несомненно кетским является Изес; наряду с приводимой им формой Каас известен вариант Кесес и наряду с формой Тугулас вариант Тогульсес с чисто кетским оформлением.

Некоторые другие названия на *-ас* могут быть разъяснены как сокращения из *-асес*, например, Албас из Албасес; такого рода сокращения отмечены в живых кетских говорах. Из известных названий на *-ас*, встречающихся в южной части Западной Сибири, как мне кажется, только одно допускает толкование из хантыйского, а именно: Таяс, из *тай+ас*, т. е. таежная река. Однако и в данном случае возможно иное понимание из кетского, а именно: *таясес «холодная река»; определение *тай «холодный»* часто встречается в чисто кетских гидронимах.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в южной части Западной Сибири топонимов угорского происхождения не имеется. Современная граница проживания угров возникла не в результате их миграции с востока на запад, а наоборот, в результате их продвижения с запада на восток.

Сокращения: алт.—алтайский; ар.—аринский; асс., ассан.—ассанский; ашк.—ашкиштимский; др.-турк.—древнетюркский; ен.-кет.—енисейско-кетский; зыр.—зырянский; имб.—имбатский; камас.—камасинский; кот.—коттский; кур.—курейский; монг.—монгольский; мотор.—моторский; пумп.—пумпокольский; тиб.—тибетский; тюрк.—туркский; сельк.—селькупский; хак.—хакасский; шор.—шорский; чул.-турк.—чулымско-туркский; южносам.—южносамодийский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. И. А. Талицкая, *Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья*, — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М., 1935; А. П. Дульzon, *Археологические памятники Томской области*, — «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, Томск, 1956.

² См. «Ученые записки Томского пединститута», т. IX, X, XIII, XIV и XV.

³ А. П. Дульзон, *Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения*, — «Вопросы языкоznания», № 4, 1959.

⁴ См. А. П. Дульзон, *Кетские топонимы Западной Сибири*, — «Ученые записки Томского пединститута», т. XVIII, 1959.

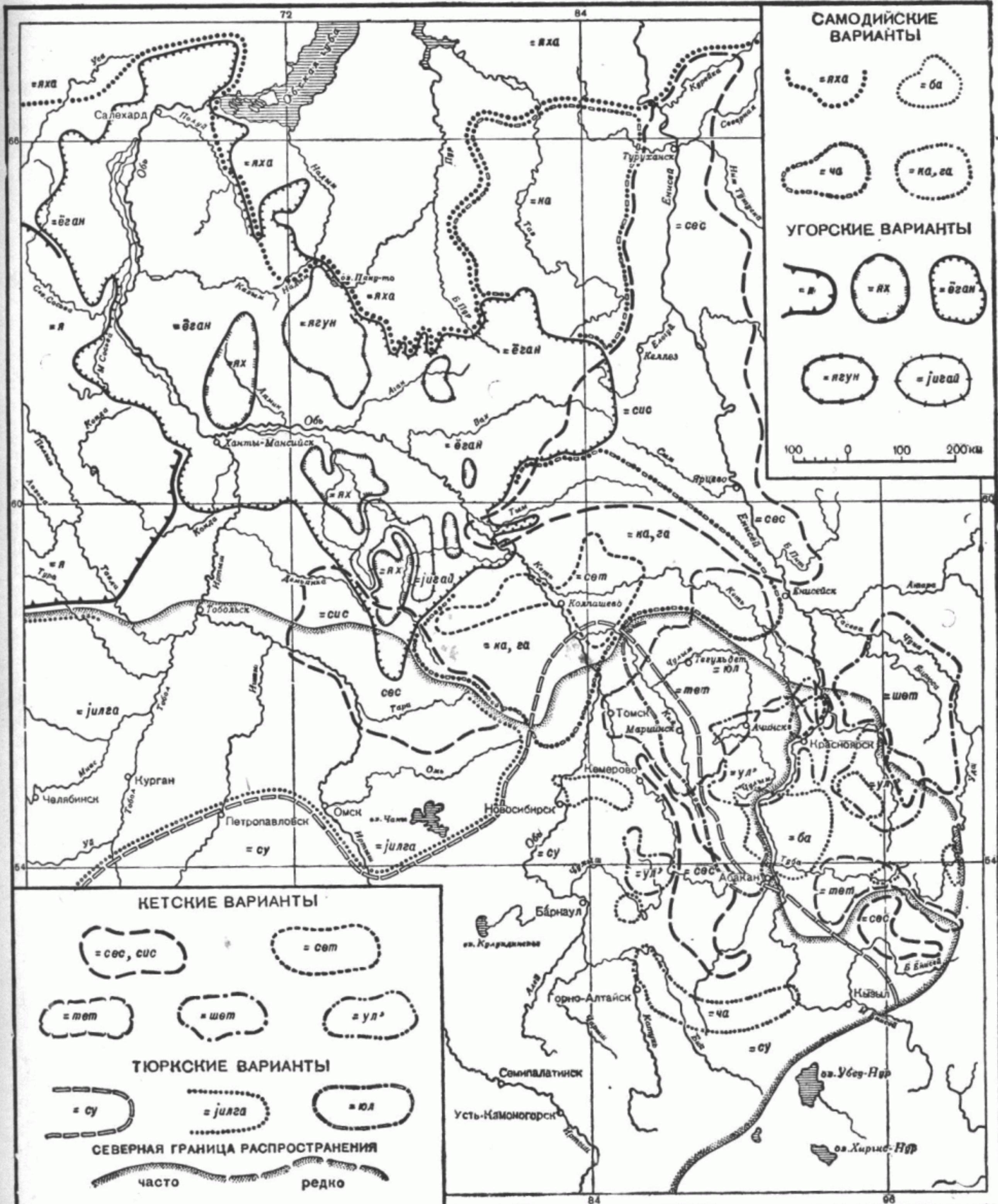
⁵ Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова, *Ойратско-русский словарь*, М., 1947, стр. 197.

⁶ Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакассо-русский словарь*, М., 1953, стр. 338.

⁷ А. П. Дульзон, *Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики*, — «Ученые записки Томского пединститута», т. VI, Томск, 1953, стр. 179.

⁸ «Описание пути от Томска по рекам Томи и Оби вниз до Нарыма», Портфели Миллера, 518, ЦГАДА, ф. 199, ч. 2, д. 5.

⁹ А. Р. Ринчинэ, *Краткий монгольско-русский словарь*, М., 1947.

10 M. Väsmér, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, 2 Bd., Heidelberg, 1955.

§. 605.

11 J. Klaproth, *Asia polyglotta*, Paris, 1823, S. 159, 161; Портфели Миллера, 613, д. 22, ЦГАДА, ф. 191.

12 J. Klaproth, *Asia polyglotta*, Paris, 1823, S. 155.

13 K. Donner, *Kamassisches Wörterbuch*, hrsg. v. A. J. Joki, Helsinki, 1944, кт. S. 11b, 13b, 74a, 76b.

14 Р. Л. Кизяков, *Таймырский язык*, М., 1953 (канд. дисс.).

15 S. Patkanow, *Irtisi-Osztjak szójegyzék*, Budapest, 1932.